

Под покровом священномученика Алексея Сибирского

Оставить родную столицу и уехать с женой и тремя детьми служить на глухой сельский приход — это означает начать жизнь с нуля. У настоятеля трех сельских храмов Спировского района Тверской области иерея Дмитрия Лихачева ушло несколько лет, чтобы завоевать доверие сельских прихожан, в чьей памяти всё еще жив образ служившего здесь 80 лет назад новомученика. О своих ошибках и удачах, о характерной разнице в духовной жизни городского и сельского прихожанина и о том, как привить молодежи уважение и память о новомучениках, священник рассказал корреспонденту ЖМП.

Десять лет назад, когда иерей Дмитрий Лихачев только получил свой первый сельский приход, село Козлово в Тверской области ничем не отличалось от десятков других деревень и сел российской глубинки. Точно так же здесь дралась на дискотеках безработная молодежь, воровали в брошенных домах, зара-

стала перелеском пашня, а прекрасный каменный Введенский храм год за годом уходил в небытие. Время, словно ластиком, стирало с карты дом за домом, в которых 20 лет назад еще звенели детские голоса. Впрочем, была у Козлова одна особенность. Здесь родился и служил священномученик Алексей Сибирский. В народной па-

мяти сохранился образ пастыря, пострадавшего за Христа. Может быть, поэтому робким огоньком лампы теплилась в сердцах старожилов православная вера и было кому собраться на службу в купленном в складчину летнем домике, когда приезжал в Козлово время от времени прикомандированный сюда епархией свя-

щенник. Сельские женщины, сплошь пенсионерки, регулярно снаряжали паломничество к правящему архиерею с одной только просьбой: «Дайте нам постоянного священника». Но каждый раз архиерей вынужден был отказывать. Да и кто при остром дефиците священнослужителей мог сделать такой подарок глухому (в том числе для мобильной связи) селу, до которого 100 верст от Твери и 30 от районного центра по убогой дороге. Но верующие продолжали молиться, в том числе и своему небесному пас-

тырю Алексею Сибирскому, твердо памятуя евангельские слова *просите и дано будет вам* (Мф. 7, 7). И Господь их услышал.

Из Москвы на высылки

Отец Дмитрий родился и вырос в Москве. Еще учась на кафедре физвоспитания Московского педагогического университета, он стал алтарником Новоспасского монастыря. Там же его и рукоположили в диаконы. Несколько лет вместе с супругой Марией (кандидат филологических наук) они работали в православной гимназии в подмосковном Плескове. А потом по давнему желанию, обоюдному согласию и благословению духовника переехали в Тверскую епархию, где отец Дмитрий был рукоположен в сан иерея и назначен настоятелем полуразрушенного храма Введения во храм Богородицы в селе Козлово.

Как многие из сельских батюшек, отец Дмитрий всё время в движении. Сегодня он уже настоятель трех храмов: Введенского, приписного к нему — священномученика Алексея Сибирского (также стоящего в Козлово) и восстанавливающегося

храма Смоленской иконы Божией Матери в селе Выдропужск. Плюс по благословению правящего архиерея служит Литургию в окрестных селах Никулине, Бабьем (родина мученика Михаила Новоселова) и Горне.

Еще пару лет назад, как заправский крестьянин, он держал настоящее хозяйство: несколько голов рогатого скота, овец, поросят, коз и кур. Но, когда дали второй приход в Выдропужске, от «животинки», как по-прежнему ласково называет отец Дмитрий свой скотный двор, пришлось отказаться.

Московские друзья называют отца Дмитрия двигателем прогресса. Вот и сейчас у него нет времени просто сесть за стол и поговорить о жизни и проблемах сельского священника. Поэтому мы едем по разбитой сельской дороге встречать, как его тут называют, бежецкий крестный ход. А точнее, частицу мощей Преподобного Сергия Радонежского и две старинные иконы — Николай Чудотворца и Теребенской иконы Божией Матери, которые путешествуют по храмам Бежецкой епархии, собирая на совместную молитву окрестный люд.

Что Бог не дал, того и не надо

«Что самое трудное в жизни сельского священника и как это преодолеть?» — интересуюсь у священника, когда машину подбрасывает «на волне» очередной рытвины, «набежавшей» под наши колеса. «Все трудности — проекция нашего внутреннего состояния», — отвечает он. — Поэтому не скажу, что в селе священнику сложнее, чем в городе. Проблемы вокруг возникают, когда у тебя внутри не всё в порядке».

Например, от сельских священников можно услышать жалобы на нехватку средств. Это искушение в свое время не миновало и отца Дмитрия. Он тоже жаловался, что ему посто-

янно то одного, то другого не хватает, но однажды подумал: «С голоду семья с пятью детьми не умирает, слава Богу, все живы-здоровы, крыша над головой есть, машина тоже, а иногда и средства на паломничество за рубеж находятся. Что жаловаться?» «То, что надо, Господь дает, а что не дает, то и не надо, — добавляет отец Димитрий. — И когда я это понял, всё встало на свои места. Потому что тут вопрос веры и доверия к Богу. Приняв все обстоятельства своей жизни, как из руки любящего отца, сохраняешь самое главное — мир в твоей душе. А если начнешь метаться из стороны в сторону — искать деньги, спонсоров, нервничать, дергаться, то и внутреннее спокойствие потеряешь, и приход. Церковь для тебя невеста, которая материализуется на данном конкретном приходе. Если честно выполняешь то, к чему призвал Господь, то всё необходимое у тебя будет и не надо беспокоиться. И все события в жизни — единственно возможный твой путь к спасению, причем самый короткий. Важно свое призвание выполнить, а в остальном довериться Господу. И люди тебя примут и поймут».

В отношении реставрации огромного Введенского собора в Козлове, состоящего из зимнего и летнего приделов, который пока законсервирован, отец Димитрий руководствуется подходом своего духовника, ныне покойного архиепископа Костромского Алексия (Фролова). Тот в подобных случаях всегда говорил: святыня восстанавливается по мере востребованности народом. Можно, конечно, все силы бросить на собор, а в итоге забыть о людях. К тому же место для молитвы есть — это деревянный храм в честь священномученика Алексия Сибирского.

Непросто складывались поначалу у священника отношения с сельской паствой. Введенский приход, «заполучив» священника, надеялся, что тот в первую очередь возьмется за собор. Но вышло иначе. Московские педагоги из Колледжа предпринимательства № 11 и Строительного колледжа № 26, организующие летнюю практику студентов, облюбовали Козлово по той причине, что в округе много деревянных храмов и часовен, нуждающихся в реставрации. Они же утеплили молитвенный дом, когда-то

купленный прихожанами, а потом предложили отцу Димитрию построить небольшой деревянный храм в честь Священномученика Алексия Сибирского, теплый и уютный. «Мы сначала обиделись, — искренне призналась Клавдия Ивановна Кириллова (она с детства живет в Козлове и является одним из инициаторов создания общины). — Мы же всё время собирали деньги на собор и даже перекрыли там крышу зимнего храма, соединяющего колокольню с летним храмом. Но потом подумали и решили, что, наверное, это оптимальный вариант. Поняли, какие значительные средства нужны, чтобы восстановить Введенский собор. И рады, что есть место, где можно молиться, и летом не жарко, и зимой не мерзнешь».

Без права на ошибку

Есть одна черта, которая отличает сельского священника от городского. Первый не имеет права на ошибку. Потому что в городе, если у человека не сложился контакт со священником, он найдет другого. «В деревне ты не имеешь права упустить человека, потому что тогда он может вообще не прийти

в Церковь. Ведь, с одной стороны, кроме тебя, у него никого нет, — говорит отец Димитрий. — А с другой — не так много возможностей поехать в другой храм, находящийся в 30 км. Я понял это, когда наломал дров в начале своего служения».

А дело было так. Приехав в село с тремя детьми, отец Димитрий задумал открыть пилораму. Дело, с точки зрения человека городского, объяснимое — с малочисленного сельско-

го прихода семью не прокормишь. Однако у односельчан это начинание вызвало неоднозначную оценку, а кого-то и шокировало. Понятное дело, материальная составляющая жизни его семьи мало кого волновала. «Это не грех в чистом виде, но получилось, что я не оправдал чьих-то надежд, — поясняет священник, — не исполнил чьих-то ожиданий. И люди разочаровались. Это ошибка моя, не имел я права в такой форме на жизнь зара-

батывать. И когда вместо пилорамы я занялся сельским хозяйством, это было принято всеми с одобрением. Думал, никогда они мне пилораму не простят, страсти кипели нешуточные — хоть беги отсюда. Но потом сельчане нашли внутренние силы всё это преодолеть, и жизнь наладилась».

Общинная бытовая психология — «что подумают соседи, что скажет тетя Маша» — очень крепко еще сидит в сельском жителе. Есть в этом и некая охранительная функция — гарантия сохранения нравственных основ. Подумает трижды человек, прежде чем совершить неблаговидный поступок. Еще десять лет назад отец Димитрий очень это чувствовал. Правда, и из села сейчас это уходит. Между тем, по мнению священника, самый распространенный сегодня грех — это осуждение. И неважно, город это или деревня. «Осуждение — это бегство от себя, от внутренних проблем, оно воплощается в том, что ты всё время обращаешь внимание на других, — объясняет священник. — И хотя люди осознают этот грех, им всё у нас заражено. Осуждение очень отравляет духовную жизнь, ведь ты не смотришь

внутри себя, а смотришь, что вокруг. Наш архиерей епископ Бежецкий и Весьегонский Филарет посоветовал нашим прихожанам бороться с этим духовным недугом хранением ума и языка. Но это очень сложно. С кем бы ты ни общался, всё заканчивается этим. Просто вторая природа. Это я по своим прихожанам и своей жизни сужу».

Есть интересное отличие сельского и городского жителя в отношении к духовной жизни, которое подметил священник. У деревенского жителя нет такого духовного искательства, как у городского. Его больше занимают бытовые проблемы (хозяйство, дом), а в духовной жизни — внешняя сторона: чтобы правильно служба шла, вовремя начиналась, требы все исполнялись. Святых отцов почти никто не читает. Другое дело — горожане, приезжающие летом в село. У них всё время идет некий духовный поиск. «Но вместе с тем, когда сельчане приходят исповедоваться, думаешь иной раз: у нас в деревне просто святые люди живут. Такая поляризация происходит. То есть у городских духовные

запросы выше, но духовный мрак, куда они погружаются, намного глубже, чем у деревенских», — делится наблюдениями отец Димитрий.

Когда отец Димитрий уезжал служить в деревню, знакомый священник сказал ему: «А я бы в деревню не поехал, ну о чем там с народом можно поговорить?» «Ничего подобного, здесь есть очень глубокие люди, — возражает отец Димитрий. — Видимо, они не «накачаны» знаниями, но житейской мудрости у них можно поучиться. И когда из Москвы на разные конференции приезжают профессора, в том числе и из ПСТГУ (например, в Козлово ежегодно сельский приход организует общественные чтения, посвященные новомученикам Спировской земли), несмотря на академичность докладов, их воспринимают очень живо, задают ученым много интересных вопросов, спорят с ними».

Для сельского прихожанина священник — это лицо Церкви. И даже когда пару лет назад в СМИ начались нападки на Церковь и в городе кипели страсти, то в Козлове это никого не взволновало. Сельский священник

на своем месте, отвечающий общепринятым традиционным нравственным нормам, — это и есть Церковь. И в этом контексте его семья — показатель нравственности и ключевой момент, определяющий его авторитет. Первое, что детально изучается сельскими жителями, — это отношение в семье священника. «Милостью Божией, не по нашим силам, конечно, у нас всё с матушкой сложилось, мы любим друг друга. И прихожане говорят: смотришь на вас двоих, и появляется желание молиться», — продолжает мой собеседник. Гармония в священнической семье — это очень мощный миссионерский ход, который может привести людей в Церковь. Здесь о тебе судят по твоим делам. Если ты говоришь им о любви, а в твоей семье вражда и ненависть, что им твои слова?

«Только живя в деревне, я понял, что семья — это вообще самодостаточная единица. Что касается общения, то ничего другого не надо. Матушка (жена) — это бездна общения, и насытиться этим невозможно», — признается священник.

От потребления к созиданию

С тех пор, как отец Димитрий начал служить в деревне, начала меняться и психология его паствы. От потребительно-созерцательной всё больше становится инициативно-созидательной. Вопросы «Когда нам храм восстановят?» и «Когда батюшка вокруг храма траву покосит?» больше никто не задает. Люди поняли, что это их храм и, каким он будет, зависит от них самих. Когда был объявлен субботник по уборке мусора во Введенском соборе, отец Димитрий рассчитывал на 20–30 помощников, а пришло полсела — от мала до велика. Из Введенского храма вывезли 30 тракторных телег с мусором. В другой раз священник решил вокруг храма покосить траву, бросил триммер в машину, приезжает — уже всё покослено. Или деревья вокруг храма спилили, кто-то все их убрал. Если на чаепитие после службы батюшка поначалу всегда покупал сладкое, то теперь народ сам печет и приносит пироги.

Кстати, о приходских чаепитиях как форме сплочения прихода. Люди в деревне не жадут, как в городе, постоянного общения. Взять и зайти к кому-то в гости просто поболтать не принято. Священник с улыбкой рассказывает, как в одной деревне стал свидетелем такого диалога двух бабушек: «Люся, заходи, у меня сегодня день рождения». «Спасибо, Тань, я уже пообедала».

И в Козлове точно так же, после службы все раньше шли домой. Но когда после служб в Алексеевском храме у прихожан появилась потребность в духовном общении, чаепитие возродилось. Прихожане обсуждают на них насущные дела прихода или затронувшую их духовную тему. Конечно, приходят не все, однако священник считает, что должно быть место, где каждый может получить ответ на вопрос о духовной жизни.

По отзывам жителей Козлова, с появлением в селе отца Димитрия, с началом стабильной богослужебной жизни и молебнов священномученику Алексею жизнь в селе изменилась: стали меньше пить, прекратилось воровство в домах, на дискотеках прекратились драки, в храм начали приходить семьи с детьми. Козлово перестали регулярно навещать баптисты и протестанты. Правда, искренность местных прихожан преклонного возраста иногда ставит священника в тупик. Однажды он услышал: «Батюшка, если бы мы знали, что у нас так часто будут службы, мы бы вас сюда не звали». А службы идут обычным сельским порядком — в выходные и праздники.

Привлечению в храм новых прихожан неожиданно помог фестиваль «Наследие», который ежегодно проводят педагоги московских колледжей в Козлове на базе Введенского прихода. В рамках фестиваля студенты и желающие местные жители постигают народные ремесла. В этом году — полубыстрое ткацкое мастерство. Оказывается, дореволюционные ткацкие станки каким-то чудом сохранились на чердаках в этом селе, и об этом случайно узнали москвичи. Станки были восстановлены, и теперь на них

можно ткать, как это делали 100 лет назад. В этом году проект «Ткацкая мастерская на сельском приходе» получил поддержку фонда «Православная инициатива».

У отца Димитрия сложились добрые отношения с козловской школой. Сначала он предложил администрации организовать там секцию по волейболу и сам играл с ребятами. Затем его стали приглашать на разные школьные мероприятия, в том числе и на родительские собрания. В итоге он стал вести занятия по православной культуре для разных возрастных групп. А для директора козловской общеобразовательной школы Татьяны Васильевны Кискиной отец Димитрий стал настоящей отдушиной. «Придешь к батюшке, пожалуешься на свои проблемы, а он: “Ничего, Татьяна Васильевна, с Божией помощью, с молитвой, с терпением всё преодолеем”». И чувствуешь в себе силы, и все вопросы решаются без нервозности. Взять хотя бы финансирование школы. Постоянно не хватает средств на запчасти для детских автобусов или на дрова. Помолившись, в том числе и святому Алексею Сибирскому, и потихоньку средства откуда-то находят», — говорит она. По ее словам, в школе также изменился психологический климат. Учителя стали больше задумываться о назначении человека в жизни, стали ответственней относиться к своей работе, к своей земле, ценить то, что имеют. В частности, то, что здесь родился и жил новомученик Алексей Сибирский.

Небесный покровитель

В Козлове очень почитают священномученика Алексея Сибирского — последнего настоятеля Введенского храма. Его арестовали 29 августа 1937 года во время богослужения и через три месяца расстреляли. Сохранился даже его дом. Старожи-

лы запомнили его как отзвучившего, открытого человека. Он пешком ходил по окрестным деревням, разбросанным в округе на 7–8 км, отвечая на нужды своей паствы. Его высокую фигуру в рясе и с крестом можно было увидеть издали, что и раздражало новую власть. Клавдии Ивановне Кирилловой, которая активно воссоздавала общину, — 85 лет. Она хорошо помнит, как еще шестилетней девочкой исповедовалась и причащалась у отца Алексия, помнит ту любовь, которая исходила от пастыря: «На его службах церковь была набита битком. Его очень любили за доброе и внима-

телями. Именно он собирает приход и призывает сюда молящихся. Люди селятся здесь благодаря его молитвенной помощи и поддержке».

Галина Федоровна родилась в Козлове, но сейчас живет в Москве и приезжает в село на лето. У нее сильный артрит голеностопа и тазобедренных суставов. Передвигается она на костылях. Ее состояние стало крайне тяжелым после того, как скоропостижно скончался 45-летний сын. «Ноги совсем у меня отнялись, и я перестала ходить, — рассказывает она. — Просила Бога и священномученика Алексия помочь мне восстано-

возникли проблемы со строительными материалами, быстро находились жертвователи. «Но самое удивительное было то, что, когда приход готовился отмечать 140-летие со дня рождения святого Алексия Сибирского, сведений о нем было очень мало, — вспоминает Пармонов. — Буквально за месяц до памятного дня нам позвонила из Твери жена внука священномученика Алексия и передала богослужебные предметы (требный ковчег, лжцу, два напрестольных креста), две семейные иконы отца Алексия и шесть фотографий с его подписью. Среди этих вещей были и две книжки: акафист священномученику Пантелеимону и «Слово жизни» — чтения на каждый день недели, где на полях остались записи, сделанные священномучеником в тюрьмах и ссылке». Всё это решено передать в экспозицию церковного Козловского музея, который открыт в местной школе.

Можно ли сегодня привить молодому человеку память о новомучениках, если их жизнь резко контрастирует с успешной, гламурной жизнью, которую повсеместно навязывает реклама? «Мне кажется, для этого юноши или девушки в первую очередь должны полюбить Христа, Его Церковь, понять ценность Его учения. И через это уже прийти к пониманию, что были люди, которые пошли за Ним до конца. Если молодежь не осознает, почему новомученики так поступили, почему отреклись, то их подвиг не станет примером для нового поколения, — считает мой собеседник. — Нужно говорить о плодах христианства: что есть Царство Небесное, что оно доступно уже здесь, что жить в нем очень комфортно, потому что Христос дает нам радость и эту радость никто не отнимет».

Алексей Реутский,
фото автора

тельное отношение к людям. Он хорошо знал карельский язык, поэтому языкового барьера при общении с карелами, населяющими эти места, у него не было».

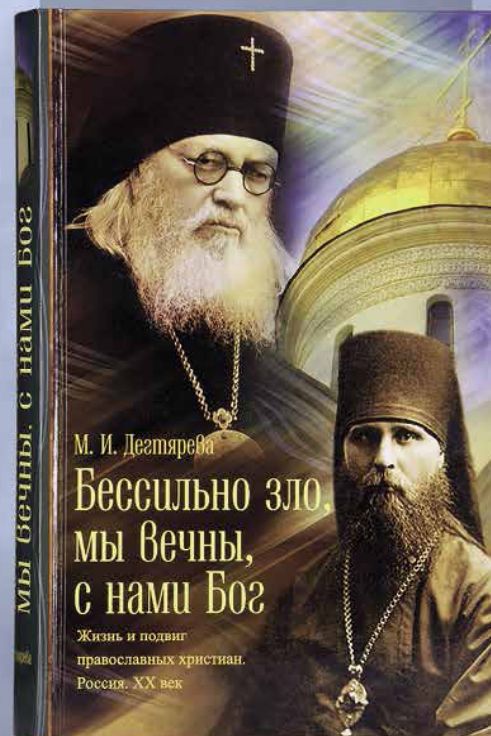
«У меня глубокое убеждение и ощущение, что настоятель здесь не я, а священномученик Алексий Сибирский, — говорит отец Димитрий. — Из приезжающих сюда немало тех, кто приехал именно к нему. Люди заметили, что он помогает в решении семейных проблем не только между супругами, но и между детьми и роди-

ваться. И случилось чудо: я снова хоть на костылях, но могу самостоятельно передвигаться».

Александр Пармонов, председатель ученого совета Колледжа предпринимательства № 11, один из инициаторов строительства храма в честь священномученика Алексия Сибирского, рассказывает, что при строительстве постоянно ощущал помощь новомученика. Местный предприниматель из Спинова пожертвовал лес; нашлись студенты, которые бесплатно работали пять лет; когда

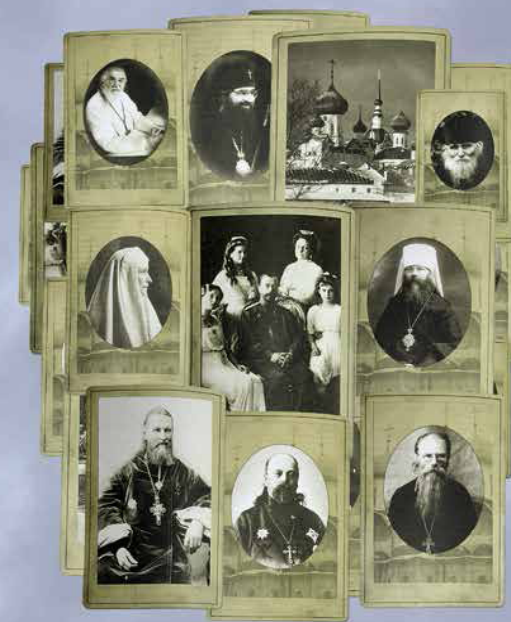

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ
ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН
РОССИЯ. XX ВЕК

Бессильно зло, мы вечны, с нами Бог

В Издательстве Московской Патриархии Русской Православной Церкви вышла в свет новая книга Марии Дегтяревой «Бессильно зло, мы вечны, с нами Бог: Жизнь и подвиг православных христиан. Россия, XX век». Издание посвящено судьбам христиан разных чинов и званий, пострадавших за веру в годы гонений прошлого века. Среди них есть те, чья святость засвидетельствована Церковью; мера праведности других остается сокровенной. Это не жития, а очерки, освещающие тот или иной аспект жизни человека, либо его жизненный подвиг, либо его образ праведности. Хронологически книга охватывает весь XX век и разделена на пять частей — не только по временным периодам, но и по общности подвига вплоть до нашего времени, которое приняло эстафету их святости.

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
Торговая сеть «Православная книга». Тел. +7 (499) 703-0214
www.gop.ru